

На эшафот взошел Цинь Цзуйкуан.

Он смотрел так, словно в его душе бушевала неистовая буря, а сам он сурово, почти зловеще усмехнулся. Обычное, неприметное лицо юноши в это мгновение преобразилось, пугая окружающих своей чуждостью.

Линь Яньюй понимал: тот не шутит. Он крепко сжал плечо юноши, пытаясь удержать его.

— Ты в своем уме? — вполголоса, но резко бросил он. — Не слышал, что сказал мой наставник? Техника Поиска Души калечит разум и выжигает талант! Цинь Цзуйкуан, ты всего лишь скромный служка. Думаешь, сможешь спасти меня, пожертвовав собой? Тебе это не под силу!

— Но они не должны вас травить, — отозвался тот.

Пальцы Цинь Цзуйкуана были ледяными — то ли от холода, то ли от едва сдерживаемого гнева. Он бережно, почти ласково отвел руку Линь Яньюя.

— Просто смотрите со стороны, старший брат.

Цинь Цзуйкуан решительно подошел к краю платформы и низко поклонился судьям. Каждое его слово звучало твердо и отчетливо:

— Ученик Цинь Цзуйкуан во время пребывания во внешней секте подвергался издевательствам со стороны Чэн Хуна и Чэн Жуя, после чего был спасен старшим братом Линем и взят в услужение. Главе секты и старейшинам достаточно взглянуть на воспоминания моей души, чтобы убедиться: старший брат Линь невиновен!

Старейшина Цзюэ внимательно окинул юношу взглядом. На его суровом лице на миг промелькнуло нечто, похожее на одобрение.

— Ты хорошо подумал? Старейшина Даньхао не бросал слов на ветер. Из десяти человек, прошедших через Поиск Души, девять заканчивают плохо. В лучшем случае ты лишишься таланта или рассудка, в худшем — твоя душа просто развеется. Для такого слабого практика на поздней стадии Заложения Основ, как ты, это почти наверняка означает... смерть.

Цинь Цзуйкуан ответил без тени сомнения:

— Ученик всё обдумал. Каков бы ни был исход, я не издам ни единой жалобы.

— И ты не боишься?

— Никогда не раскаюсь!

Присутствующие замерли в изумлении. Кому могло прийти в голову, что в этом мире еще водятся такие безумцы, готовые отдать жизнь за другого?

Старейшина Цзюэ не скрывал своего восхищения:

— Хорошо! Не думал я, что среди учеников внешней секты найдется человек такой закалки. Если тебе повезет выжить, ты вступишь в Зал наказаний под мою опеку — я обещаю тебе покой до конца дней!

Цинь Цзуйкуан снова низко поклонился:

— Благодарю старейшину за милость, но, даже если мне суждено погибнуть, я желаю, чтобы мой прах остался на Пике Алхимии.

Цзюэ лишь покачал головой:

— Что ж, я не стану неволить тебя. Подожди немного, мы обсудим, кто именно проведет ритуал.

Пока глава секты и старейшины совещались, Чэн Хун и Чэн Жуй, не в силах сдержать страх, принялись сыпать угрозами.

— Думаешь, Поиск Души — это прогулка в саду? Сдохнешь раньше, чем они увидят хоть кристицу твоей памяти! Убирайся, пока еще можешь!

— Кто бы мог подумать, что ты такой ничтожный пес! Думаешь, Линь Яньюй оценит твою жертву? Очнись! Как только ты испустишь дух, он забудет тебя через пару дней. Кто ты для него? Просто мусор, который он подобрал, чтобы досадить нам!

Цинь Цзуйкуан одарил их коротким, полным презрения взглядом.

— Можете лаяться сколько угодно. Вы просто боитесь, что правда выплывет наружу, и вам придет конец. Вы совершили столько зла во внешней секте... Будь у меня достаточно сил, я бы прирезал вас еще тогда. А теперь вы осмелились посягнуть на старшего брата Линя? Я не позволю вам добиться своего.

Братья Чэн побледнели от ярости и скрытого ужаса.

— Ах ты, тварь... Ты совсем обезумел!

Цинь Цзуйкуан больше не удостоил их ни словом. Под прицелом множества глаз они всё равно не посмели бы напасть.

Линь Яньюй стоял неподалеку, и каждое услышанное слово отзывалось в его сердце невыносимой болью. «В лучшем случае — безумие, в худшем — смерть».

Он никогда не чувствовал себя таким беспомощным. Казалось, его затягивает в темный, бездонный водоворот или бросает в пучину бушующего океана. Все опоры рухнули, оставив лишь пугающее чувство невесомости.

Сердце сжалось, пальцы мелко дрожали, а кровь в жилах, казалось, превратилась в лед. Линь Яньюй замер, бледный как полотно.

Цинь Цзуйкуан подошел к нему и ярко, почти весело улыбнулся:

— Старший брат, не нужно так тревожиться. Мой талант и так скуден, небольшая потеря ничего не значит.

«Скуден? Ничего не значит?»

Линь Яньюй несколько секунд смотрел на юношу, чувствуя, как в груди закипает яростный протест. Он резко выбросил руку вперед и мертвой хваткой вцепился в воротник Цинь Цзуйкуана.

— Проваливай с эшафота! Мне не нужна такая жертва!

— Старший брат... — Цинь Цзуйкуан накрыл его ладонь своей и тихо вздохнул. — Пожалуйста, не сердитесь.

Не сердиться? Как он мог не сердиться?!

— Цинь Цзуйкуан, это того не стоит! Ты хоть понимаешь, кто ты на самом деле?!

«Ты ведь потомок великого клана Цинь! Твой потенциал не имеет равных! Придет день, и ты взойдешь на вершину этого мира, станешь тем, перед кем склонятся даже боги! Почему ты готов рискнуть всем ради меня?»

«Ты должен вести за собой легионы, а не гибнуть на этом жалком эшафоте из-за кучки ничтожеств!»

— Это того не стоит... Совсем не стоит... — Линь Яньюй пытался что-то сказать, но не издал ни

звука.

Мир внезапно погрузился в тишину. Неужели он оглох? Или онемел?

Линь Яньюй выпустил воротник юноши и хотел коснуться собственного горла, но в этот момент с небес обрушилась сокрушительная мощь. Невидимые оковы сковали тело, лишая возможности пошевелить даже пальцем.

«Пожалуйста, нет... Дайте мне сказать! Позвольте мне остановить его!»

«Три Закалки Кровавого Духа, первая закалка!»

Линь Яньюй попытался насильно прорвать границы своего развития, чтобы сбросить давление, но духовная энергия в его меридианах замерла, словно стоячая вода. Секретная техника не сработала. Кто... кто это сделал?

В смятении он оглянулся и встретился взглядом с Жэнь Циньи.

Глава секты Сяньюй сидел на высоком троне, он сурово нахмурился. Мастер беззвучно произнес лишь одно слово: «Тише».

Линь Яньюй всё понял. Его подавлял сам Жэнь Циньи. Глава секты давно перешагнул стадию Зарождающейся Души и достиг стадии Колеса Сансары — против такой колоссальной мощи Линь Яньюй был бессилен. Жэнь Циньи решил использовать Цинь Цзуйкуана, чтобы спасти Линя, и не собирался позволять последнему мешать.

«Как же так... Почему...»

Цинь Цзуйкуан, видя, что старший брат затих, решил, что тот готов его выслушать.

— Возможно, это мой последний шанс поговорить с вами по душам. Я хочу, чтобы вы знали всё, что у меня на сердце... На самом деле, я давно наблюдал за вами. Старший брат — воплощение благородства и красоты. Для нас, презренных учеников внешней секты, вы были словно ослепительное солнце в зените. Я думал, что между нами пропасть, которую не перейти — небо и земля никогда не встретятся. Но в тот день, когда я очнулся после побоев, вы стояли передо мной. Так близко, что можно было дотянуться рукой...

Лицо Цинь Цзуйкуана смягчилось, он посмотрел с нежной грустью.

— В тот миг я чувствовал и радость, и смертный ужас. Боялся сделать что-то не так, боялся, что вы исчезнете, как мираж. Но когда вы сказали, что берете меня в услужение... я решил, что это сон. Самый прекрасный сон в моей жизни. Эти несколько дней в вашей обители стали

для меня счастливейшим временем за долгие годы.

Он посмотрел Линь Яньюю прямо в глаза — пристально, глубоко, словно желая навечно запечатлеть этот образ в своей памяти. Юноша прижал ладонь к груди.

— Те слова были правдой. Мое почтение к вам, моя преданность... и мои чувства — всё это правда. Быть может, вы не поймете меня или сочтете, что такой неудачник, как я, не имеет права даже смотреть в вашу сторону. Но я поклялся: я буду следовать за вами до конца. Пусть я предам весь мир, но никогда не предам вас. И это — тоже правда.

Цинь Цзуйкуан грустно улыбнулся.

— Вы спросили, стоит ли оно того? Я отвечаю: конечно стоит.

Поколебавшись мгновение, он смело шагнул вперед и крепко обнял Линь Яньюю. Прижавшись к его уху, он прошептал:

— В моем сердце вы — чистый и светлый человек, который должен стоять высоко над этой грязью. Позвольте же мне, ничтожному, принять на себя этот удар. Хорошо?

Линь Яньюю был потрясен, широко распахнув глаза. Но этот испуг лишь обрадовал Цинь Цзуйкуана — он понял, что его услышали.

Юноша разомкнул объятия и достал из-за пазухи небольшой предмет, бережно протягивая его Линь Яньюю.

— Прошу вас, когда вернетесь в обитель, положите этот камень у входа. Если когда-нибудь ваш взгляд случайно упадет на него, и вы вспомните обо мне хотя бы на миг... мне этого будет достаточно.

Линь Яньюю посмотрел на камень, и сердце его пропустило удар. Он вспомнил тот закат в Обители Небесной Печи и слова Цинь Цзуйкуана: «Если я когда-нибудь уйду далеко и не смогу вернуться, положи у входа этот небесно-голубой камень...»

«Да кому нужен твой дурацкий камень? Кто просил тебя идти на это?!»

«Зачем... зачем ты так со мной?»

Линь Яньюю не мог пошевелиться, и Цинь Цзуйкуан, приняв его молчание за немую обиду, осторожно вложил камень в его неподвижную ладонь.

В этот момент раздался голос старейшины Цзюэ:

— Подойди!

— Слушаюсь, — отозвался Цинь Цзуйкуан. Он обернулся и снова тихо, по-доброму улыбнулся.

— Старший брат, не бойтесь. Всё скоро закончится.

В последний раз взглянув на Линь Яньюя с невыразимой тоской, он развернулся и зашагал прочь, оставляя за собой лишь тонкую тень.

«Не смей... Вернись! Цинь Цзуйкуан, я запрещаю тебе!»

В глазах Линь Яньюя всё расплылось от подступивших слез.

<http://bllate.org/book/17424/1658227>